

Lyudmila T. Kilevaya
Uczelnia Lingwistyczno-Techniczna w Świeciu (Polska),
Wydział Filologiczny

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОРЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В статье излагается идея неоправданного традиционно принятого деления языков славянской ветви на группы, согласно которой в восточнославянскую группу входят русский, белорусский и украинский языки. На основе сопоставления лексических и грамматических черт данных языков указывается на различие между русским языком, с одной стороны, и белорусским и украинским языками, с другой. Подчеркивается значительная тождественность последних на данных языковых уровнях польскому языку. Отход русского языка от традиционного славянства на ментальном и языковом уровнях обуславливается историческим путем развития русского народа, отличным от пути развития белорусского и украинского народов.

In a lecture the idea of the unjustified traditionally accepted division of the Slavic branch is expounded on groups, according to that the Russian, Belarussian and Ukrainian languages are included in the east Slavic group. On the basis of comparison of lexical and grammatical lines of these languages specified on distinction between Russian, from one side, and by the Belarussian and Ukrainian languages, with other. Equality is underlined last on these language levels to Polish. Walking of Russian away from traditional slavdom on mental and language levels stipulated by the historical features of way of development of the Russian people different from the way of development of people Belarussian and Ukrainian.

Ключевые слова: славянская ветвь, восточнославянская группа, лексическая система, грамматическая система, ментальность.

Key words: Slavic branch, east Slavic group, lexical system, grammatical system, mentality.

Продолжающееся в современной лингвистике традиционное деление славянской ветви на три группы, в результате которого в восточнославянской группе языков оказываются русский, украинский и белорусский языки, однако, отнюдь не соответствует языковому критерию. Сформировавшаяся к X веку древнерусская народность с единым древнерусским языком уже в конце XIII века распадается на совершенно несоотносимые в ментальном и языковом плане русскую, украинскую и белорусскую народности с соответствующими им языками. Как отмечает Н.С. Трубецкой, в период XV, XVI и первой половины XVII веков культура Западной Руси и культура Руси Московской формировалась до такой степени различно,

что разница между этими двумя культурами во второй половине XVII века была достаточно сильной. Особо ученый подчеркивает роль польской культуры в европеизации культуры украинской [1, с. 362]. Разные исторические пути развития способствовали различиям в культуре, а в связи с этим и в способе мышления славянских народов, что не могло не наложить своего отпечатка на их языки. С точки зрения когнитивистики, языковые различия не являются творением разных названий вещей как таковых, а представляют собой результат иного их видения носителями языка [2]. Наиболее отчетливо это отражается в сфере словарного состава.

Даже самый общий сопоставительный анализ словарного состава анализируемых славянских языков позволяет выявить различия, обнаруживаемые в эквивалентной лексике, напр.: русское *вещь, зонтик, юбка, полотенце, мусор, болезнь, большой, красный* – с одной стороны, укр.: *рiч, парасоль, спiдниця, рушник, смiття, хвороба, великий, червоний*; белорусское: *рэч, парасоль, спадниця, ручник, смецця, хвароба, вялікі, чырвоны*, польское: *rzecz, parasol, spódnica, ręcznik, śmiecie, choroba, wielki, czerwony* – лексемы, идентичные по фонетико-графемному составу, с другой стороны. Приведенный иллюстративный материал свидетельствует о противопоставлении русских лексем группе единообразных лексем белорусского и украинского языков и соответствие последних польскому языку.

В целом произведенный сопоставительный анализ свидетельствует о примерно 80 % несоответствия русской лексики лексическому составу белорусского, украинского и польского языков. Русские лексемы в большей части являются заимствованными, следовательно, проецируют на компонент «чужой», что является зеркальным отражением ментальных черт русского человека. Об этом свидетельствуют исследования русских философов, в частности А.Н. Бердяева [3], Н.С. Трубецкого [1] и др. Так, Н.С. Трубецкой обоснованно усматривает в русской ментальности наряду со славянским компонентом «туранский» элемент. Ученый утверждает, что «в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем «славянства». Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и со славянством, и с «туранским» Востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее» [1, с. 138]. В ментальных предпочтениях как составляющих культуры русского народа проявляются и славянские, и тюркские элементы.

Представленные лексические особенности свидетельствуют о справедливости презентуемой гипотезы о культурной и языковой идентичности белорусского, украинского и польского языков в противоположность русскому литературному языку. Лексика русского языка в большей мере

идентична лексике болгарского языка, что объясняется исторически. Согласно теории Н.С. Трубецкого, в X–XII вв., в период, когда Болгарское Царство было разделено и вновь объединено, на болгарский литературный язык значительное влияние оказал старославянский язык в его русской редакции (церковнославянский язык). Он подчеркивает, что в эпоху «возрождения новоболгарского прежние литературные и языковые традиции были забыты так сильно, что болгарские писатели и публицисты этого времени были не в состоянии их возродить и прибегали к русской литературной традиции. Болгарский литературный язык этого времени был, можно сказать, болгаризованной формой русского литературного языка». Это влияние на болгарский язык также было очень сильным и в будущем [1, с. 179].

Грамматические системы рассматриваемых славянских языков в сопоставительном аспекте также указывают на то, что «русский народный характер... решительно не похож на народный характер других славян» [1, с. 138]. Это проявляется, в частности, при сопоставлении грамматических значений категории рода существительных русского языка с соответствующими существительными украинского, белорусского и польского языков. Существительные русского языка, принадлежащие к женскому роду, соответствуют однокорневым существительным украинского, белорусского и польского языков, относящимся к мужскому роду, напр.: рус. *берлога, насыпь, собака, тетрадь, медаль* – ж.р.; однако укр. *барліг, насип, собака, зошит, медаль*; бел. *бярлог, насып, сабака, сшытак, медаль* – м.р., польск. *barlog, nasyp, pies, zeszyt, medal*. Разнокорневым существительным женского рода в русском языке соответствуют существительные мужского рода в украинском, белорусском и польском языках, напр.: рус. *грязь, крыша*, укр. *бруд, дах*, бел. *бруд, дах*, польск. *brud, dach*.

Причина тяготения русских существительных к женскому началу, можно полагать, также спровоцирована русскими ментальными чертами. Так, о «вечно бабьем в русской душе» пишет Н.А. Бердяев [2]. С учетом мнения философа, на женскую ипостась русского человека и его языка указывает В.В. Колесов, подчеркивая следующее: «Русские пространства обширны, а Время – мужской символ – еще и не начиналось. Устойчивой святости по вертикали (иерархия уровней) русские предпочитают женское развертывание вширь, тяготение вдаль. А в мышлении – «мужской» голове «женское» сердце. Не маскулинность огня, но женственность воды описываются как символическая стихия русского духа», и далее: «...загадочность русской души объясняется той же женской глубиной» [4, с. 161].

Значимым оказывается компонент «свой», символизирующий славянскость, в составе глагольной парадигмы украинского, белорусского и

польского языков. Так, праславянский полисемантический глагол *имети*, со значением футуральности, возможности и долженствования, трансформируясь в обозначенных языках в современном состоянии, организует словоформы будущего времени глагола типа *чытацьму, чытацьмеш* в белорусском просторечии, типа *працаватиму, працаватимеш* в украинском литературном языке, конструкцию с предположительным значением типа *tamy słuchać* в польском языке. В то же время в русской языковой системе формы с глаголом *имети* встречаются лишь спорадически в отдельных, наиболее архаичных, говорах северновеликорусского наречия, напр.: *иму читать*.

Противопоставила себя глагольная парадигма русского литературного языка, утрачивая свою «славянскость», и при преобразовании формы преждепрошедшего времени в формах типа *было пошел*, нивелируя родовую принадлежность субъекта действия. Соответствующие формы в украинском, белорусском и польском литературных языках сохраняют, однако, свой праславянский облик в течение исторического развития, напр.: укр. *був пошев*, бел. *быў пашоў*, польск. *był poszedł*.

Особо отметим грамматические категории, совпадающие в плане выражения в современных польском и украинском литературных языках, отличные от плана выражения в белорусском языке в его литературной и диалектной разновидностях. Речь идет о языковых единицах, совпадающих с русскими языковыми единицами. В данном случае мы имеем белорусский феномен, специфика которого состоит в том, что в истории своего развития в контексте общерусской культуры как некоей абстракции конкретно-национальное «белорусское русло тоже всегда существовало, но всегда было слабее» в отличие от малорусского, то есть украинского, русла [1, с. 369]. В частности, в украинском литературном языке форма множественного числа глаголов прошедшего времени тождественна нелично-мужской форме глаголов в польском языке, напр.: *біг, бігла, бігли*.

Таким образом, изложенные даже лишь фрагментарно сопоставительные различия русского, белорусского и украинского языков, обусловленные ментальными различиями их носителей, свидетельствуют о том, что объединение данных языков в одну восточнославянскую группу носит, скорее, географический, в силу территориальной близости, а также генетический характер, в силу общего источника происхождения – древнерусского языка, провоцирующий своего рода характер политический. Однако это не отвечает доминирующим критериям объединения языков в единую группу – критериям культурному и языковому. Думается, настало время научного обсуждения обозначенной проблемы и группового перераспределения языков славянской ветви.

Литература

1. Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – 800 с.
2. Kiklewicz, A. Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle: krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej / A. Kiklewicz. – Olsztyn, 2012. – 298 s.
3. Бердяев, Н. А. Русская и польская душа / Н. А. Бердяев // Философия свободы / Н. А. Бердяев. – М. : ФОЛИО, 2004. – С. 407–412.
4. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.